

УДК 821.161.1.09“18”Тургенев06+821.161.1.09“1992/...”
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-88-95

И. С. ТУРГЕНЕВ И СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Юлия Александровна Гимранова

аспирант кафедры литературы и методики обучения литературы

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

454080, г. Челябинск, просп. Ленина, 69. J5G@mail.ru

SPIN-код: 5288-1922

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8764-5439>

ResearcherID: K-3033-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гимранова Ю. А. И. С. Тургенев и современная русская литература // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 88–95. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-88-95

Please cite this article in English as:

Gimranova Ju. A. I. S. Turgenev i sovremennaya russkaya literatura [Turgenev and Modern Russian Literature]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 88–95. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-88-95 (In Russ.)

В статье выявляются связи современной русской литературы (конец XX – начало XXI в.) и мифологизированного концепта «Тургенев», который несет в себе семантическую нагрузку творчества и биографии классика; поднимаются вопросы воздействия его образа и произведений на творчество писателей-постмодернистов. Предпринята попытка исследовать формы проявления данного мифа и его смысловую нагруженность в анализируемых текстах – неоднородных по жанру, стилю, степени художественности, этическим и эстетическим взглядам произведениях современных авторов: А. Королева, Л. Петрушевской, М. Галиной, С. Довлатова, В. Пьецуха, М. Гиголашвилли, А. Бильжо. Интерес к мифу «Тургенев» кроется, с одной стороны, во всеми признанной авторитетности И. С. Тургенева в истории русской литературы, в его непререкаемом величии (что видится современным авторам незаслуженным), с другой – в противоречивой личности классика, а также в нестандартности жизни писателя «на краю чужого гнезда». Бессилие, страх перед жизнью, отсутствие у него воли видят Королев, Петрушевская и Галина, которые вводят Тургенева в качестве персонажа в свои произведения. Но эта акцентуация на неспособности Ивана Сергеевича к нормальному, с их точки зрения, существованию, к свободе выбора открывает более глубокие пласты текста: Королев приходит к философской теме выбора добра или зла, Петрушевская через образ писателя в банке показывает свое видение места классики сегодня, а Галина в стиле хоррора открывает перед нами Тургенева как мистически одаренного человека, находящегося на грани безумия от накала собственных эмоций. Взгляды Довлатова, Гиголашвилли и Пьецуха позволяют «снизить планку» и без излишнего пиетета разглядеть наследие классика, детально разобрав все плюсы и минусы. Текст Бильжо без напряжения, с юмором открывает перед читателем повесть XIX в. с новой стороны.

Ключевые слова: классика; современность; миф; концепт; претекст; мастерство; актуализация.

Безусловность авторитета Ивана Сергеевича Тургенева в истории русской литературы не подвергается сомнению (Г. Б. Курляндская, П. Г. Пустовойт, А. Г. Цейтлин, Ю. М. Лотман, В. В. Голубков, Г. А. Бялый и др.). А. Г. Цейтлин приходит к выводу: «Тургенев был воспитателем последующей русской литературы, учившем ее литературному мастерству» [Цейтлин 1958: 3]. А Ю. М. Лотман уточняет: «...Тургенев приобрел значение “писателя для писателей”. Его про-

изведения открывали перед литературой новые перспективы, на него смотрели, как на мастера, авторитетного судью в вопросах искусства, и он ощущал свою ответственность за его судьбу» [Лотман 1997: 726]. Таким образом, преемственность творческого метода и в какой-то степени мировоззрения классика в произведениях конца XIX – начала и середины XX в. является доказанной и неоднократно рассмотренной (Г. А. Бялый «Тургенев и русский реализм», Г. Б. Кур-

ляндская «И.С. Тургенев и русская литература», А. Г. Цейтлин «Мастерство Тургенева-романиста», Е. В. Тюхова «Тургенев и Чехов – преемственные и типологические связи», О. Ф. Кобелева кандидатская диссертация на тему «Традиции И. С. Тургенева в современной литературе (на материале произведений Д. Гранина, Ю. Казакова, В. Солоухина)». Открытым в современном литературоведении остается вопрос преемственности литературы конца XX – начала XXI в. (современной русской литературы).

В данной статье нас интересует не столько проблема переработки тургеневских мотивов, что действительно присутствует в текстах обозначенного периода, хотя в данном ключе следует говорить скорее о «ревизии, попытке в старых пропорциях разглядеть новые соотносительные ракурсы, на новый лад исполнить старые песни о главном» [Богданова 2009: 97], сколько отражение мифологизированного концепта «Тургенев» в современной русской литературе. Автор для текста является «внешней и предшествующей фигурой, по крайней мере, с виду» [Фуко], но именно личность автора «выполняет по отношению к дискурсам определенную роль: обеспечивает функцию классификации; позволяет сгруппировать ряд текстов, разграничить их, исключить из их числа одни и противопоставить их другим. Кроме того, имя автора выполняет приведение текстов в определенное между собой отношение» [там же]. Так творчество (тексты, записки, письма) и биография, воспоминания современников о классике становятся литературным мифом, общим претекстом, который в рассматриваемом нами случае объясняет тургеневский интертекст в творчестве постмодернистов.

В. Б. Катаев в своей книге «Игра в осколки: Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма» подчеркивает, что А. С. Пушкин и А. П. Чехов оказались наиболее востребованными современной литературой, однако добавляет: «Критики и писатели-постмодернисты без пиетета относятся к любому из классиков, но с особым азартом атакуют тексты Ивана Сергеевича Тургенева» [Катаев 2002: 15]. Объяснение «особому азарту» мы видим в амбивалентности личности самого классика.

Судьбе И. С. Тургенева – художника слова можно позавидовать: известность с первого изданного прозаического произведения, впоследствии всемирное признание таланта. А. П. Чехов писал своему брату: «Боже мой! Что за роскошь «Отцы и дети»! Просто хоть караул кричи. Болельщик Базарова сделана так сильно, что я ослабел, и было такое чувство, как будто я заразился от него. А конец Базарова? А старички?.. Это черт знает как сделано! Просто гениально!» [Чехов].

Это о писателе-Тургеневе. А о человеке? Из воспоминаний современников возникает неоднозначный образ классика [И. С. Тургенев в воспоминаниях современников]. С одной стороны, подчеркивается его духовность, альтруизм, врожденная культура, интеллигентность, аристократизм, гуманизм, скромность, с другой – слабоволие, нерешительность, обидчивость, зависимость от мнения окружающих, склонность к сплетничеству, рассеянность, стремление к «импровизации» (обману) [Панаева 1986: 312]. Несчастливая личная жизнь «на краюшке чужого гнезда» [Тургенев] также противопоставлена счастливой творческой судьбе.

Почему И. С. Тургенева называют великим писателем? Чем он заслужил всемирную славу? Как сегодняшний читатель относится к героям и коллизиям его произведений? На эти и другие вопросы пытаются ответить не только исследователи творчества классика, но и писатели, высказывающие свои суждения в самых разных жанрах.

Проанализированные нами тексты, содержащие отсылки к мифу «Тургенев», принадлежат к разным литературным направлениям и неоднородны по художественно-этическим и художественно-эстетическим принципам, что позволяет нам оценить картину в полном разнообразии: от развенчания таланта классика до поклонения его способностям, от творческого наследия до коммерческого использования «бренда». Сведение воедино таких разнородных текстов еще раз подчеркивает их актуальность, ведь сам постмодернизм неоднороден, все писатели индивидуальны, их невозможно спутать друг с другом. В данной статье мы уделили внимание только тем текстам, в которых Тургенев выступает действующим персонажем, поскольку именно в них наиболее остро ставится вопрос об отношении современности не только к образу писателя-классика, к его дарованию и творческому наследию, но и к личности Ивана Сергеевича как исторической фигуре, жившей в одну из переломных эпох и влиявшей на окружение, формировавшее видение мира нескольких поколений думающей интеллигенции как России, так и Европы. Выделенные произведения современной литературы были проанализированы только в ключе отражения в них мифологизированного концепта «Тургенев», нами же акцент был сделан на формах проявления мифа в рассматриваемых текстах и их семантической нагрузке.

В экспозиции фантазмагорической повести **Анатолія Королева** «Голова Гоголя» (2000) читателю предложен эпизод из жизни И. С. Тургенева. Присутствовавший на публичной казни и описавший ее в своем очерке автор бессмертных

романов предстает в повести Королева в крайне невыгодном свете: «Тургенев окончательно и демонстративно перестал воспринимать тяжкую атмосферу казни Тропмана. Таким вот способом – про себя – он как бы ратовал за отмену смертной казни. Не чувствуя неуместности такой позы, плаксиво казнясь щипками совести, сварливо ругая попутчиков, он зато с пафосом отказался от чашки шоколада. <...> Тургенев вообще отвернулся от помоста... только что уши не заткнул» [Королев 2009: 4]. Современный писатель приводит комментарий Ф. М. Достоевского, пережившего в своей жизни страшное ожидание казни, где нельзя было отвернуться: «Меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила... человек не имеет права отвертываться и игнорировать...» [там же: 5]. А. В. Королев не позволяет читателям отвернуться и показывает в своей повести, как зло становится красотой, а красота, в свою очередь, добром. Возникает закономерный вопрос: зло и добро равны? На примере двух стран – России и Франции – автор позволяет увидеть ужас революций и войн, смертей и казней, чтобы научить читателя отделять зло от добра. Краткая преамбула к повести из реальной биографии И. С. Тургенева служит своеобразным «толчком» для погружения в эту столь противоречивую, страшную, неприятную тему, от которой хочется отвернуться, как бы это сделал слабохарактерный, напыщенный, избалованный и плаксивый Иван Сергеевич.

Безволие и слабость классика в гиперболизированной-парадоксальном ключе представляет читателю и Людмила Петрушевская в «Пограничных сказках про котят» (2008). Мы знакомимся со сказочным миром для взрослых, в котором уживаются четырехногий дедушка Сережа Шварц и говорящие котята-пограничники, Полина Виардо и Жан Тургенев, а также постоянно падающие с книжной полки герои произведений мировой литературы. К примеру, мумия Муму появляется, чтобы сторожить тапочки Тургенева, с нее капает вода, а в глазах цифры – показатели глубины. Сам писатель предстает в образе маленького человечка, живущего в трехлитровой банке. Он часто плачет, боится, кидается все записывать и значительно кивает головой. Говорит классик либо шепотом, либо пищит на французском и русском одновременно («Он шепчет «Аяша, аяша». Яша? Да еще с ударением на последнем слого. Странно. Или это он «А я Жан» нашептывает?») [Петрушевская 2008: 182]). Единственный человек, понимающий голос из банки, это Полина Виардо, которая выступает в одной из главных ролей: она полноправно командует как котятами, так и дедушкой, периодически смеется и «противно орет» («Котята прыс-

нули в разные стороны от этого голоса» [Петрушевская 2008: 178]). Она эгоистична, требовательна, активно отстаивает свою единственно верную точку зрения. Рядом с Полиной Виардо Тургенев в стеклянной банке выглядит настолько жалким, что читатель начинает ему сочувствовать. Это сострадание делает классика не только доступным и понятным, но и близким читателю. Не случайно классика помещают не в коробку, на полку или в шкапулку, а именно в банку для «солений-варений»: это то, что должно долго храниться, что должно перейти нашим потомкам, и что-то такое родное, «свое». В сказках дается открытая характеристика: Тургенев – «писатель XIX века» [там же: 252], при этом обывательский взгляд на писательские способности классика представлен с явной иронией: «А Иван Тургенев написал стих в прозе, начавши его как обычно, «как хороши, как свежи были», а потом подумал и добавил словцо «утки». Зачем, почему утки, так и не объяснил» [там же: 249]. Основная деятельность классика в банке – писать, но тексты Тургенева уже никто не читает, нет времени, да и неинтересно котяткам или дедушке слушать классика, расшифровывать его писклявую, непонятную речь. Так на примере одного писателя Л. С. Петрушевская показывает нам отношение к классике вообще: она есть, существует рядом с нами, но «законсервированная», неинтересная, непонятная, лишняя.

Проблема взаимоотношений Тургенева и Полины Виардо интересует нас не меньше, чем интересовала современников. Есть несколько романов и биографических и псевдобиографических исследований, художественных и документальных фильмов, посвященных данной проблеме (Н. Молева «Тургенев без Виардо, или Три надежды на любовь», «Призрак Виардо. Несостоявшееся счастье», Е. Первушина «Тургенев и Виардо. Я все еще люблю...», М. Заболотнова «Тургенев и Полина Виардо. Сто лет любви и одиночества» и др.).

Наиболее интересным для рассмотрения мы видим рассказ **Марии Галиной** «Спруты» (2010), который входит в сборник «Красные волки, красные гуси». Автор позволяет читателям в необычном ракурсе рассмотреть классика, вводя в повествование элементы фантастики. Герой рассказа (Тургенев) находится в очень тяжелом душевном состоянии, что-то его гнетет, не дает покоя ни в работе, ни во сне. Он ощущает эту душевную тяжесть ежеминутно, и она постепенно обретает физическое выражение. Тургеневу начинает мерещиться кто-то или что-то за портьерой, за шкафом, в углу комнаты, но неизвестное существо видит только он и больше никто: «У того, кто стоит за портьерой, кожа серая и

липкая. У того, кто стоит за портьерой, есть щупальца. У того, кто стоит за портьерой, большие бледные глаза» [Галина 2010: 67]. Эта сущность распространяет «тяжелый, гнилостный запах», так страхи обретают форму. Но это происходит лишь в голове героя, автор же лишь нагнетает ужас перед чем-то неведомым, непонятным и оттого еще более страшным. Описание следящего за писателем существа отсылает нас к мифологии, созданной в произведениях Говарда Филлипса Лавкрафта, американского писателя, работавшего в жанрах ужасов, мистики, фэнтези и научной фантастики. Пугающее, отвратительное существо с головой осьминога и щупальцами – это созданный Лавкрафтом древний бог Ктулху («Зов Ктулху», 1928), владыка миров, который спит на дне Тихого океана и воздействует только на чувствительных людей через их сновидения, сводя с ума человека за человеком. Пробуждения Ктулху следует бояться, поэтому поклоняющиеся ему совершают жертвоприношения, чтобы сон древнего бога продлился как можно дольше. Образ спрута или осьминога в культурной традиции – это абсолютное зло, способное убить, поглотить, высосать жизнь (в литературе часто возникает образ города-спрута, в котором невозможно жить, – «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского). В рассказе мы видим и второе зло, кроме древнего следящего бога (здесь неслучайно множественное число в названии рассказа), – это любовь, вернее объект любви: «Чудовищный, нечеловеческий выплодок, они высасывают жизненную силу нашу, улыбаются яркими губами, говорят ласковые слова, доводят до растворения, до самоистребления!» [там же: 68]. Весь рассказ построен в форме внутреннего монолога Тургенева, в котором он спорит с отрывками из писем Полины Виардо и со своими собственными мыслями. Текст рассказа – «рваное» письмо, мысли настолько быстро «перескакивают» от русской зимы, красоты природы и тонкостей охотничьего дела к мыслям о прогрессе, издании последнего романа и тяге к Ней. И вот в герое вспыхивает самостоятельность, желание жить, он хочет порвать все щупальца, которые его сковали, хочет вырваться из чудовищного «гнезда», но силы, воли, стойкости не хватает: «Я же мужчина! Я ничего не боюсь! Сейчас вот прямо сяду и напишу! Если только...если Она позволит» [там же: 68]. Герой не может вырваться и – так и остается «на краюшке чужого гнезда» [Тургенев]. Подтверждение этому мы находим в последнем абзаце, где уже появляется Виардо. Она просит Тургенева сходить за доктором, на что он отвечает: «Иду, Поленька, – торопливо отозвался Иван Сергеевич. – Уже иду, душа моя» [Галина 2010: 72]. Таким образом, миф «Тургенев» в рас-

сказе М. С. Галиной также показывает нам слабохарактерность, ведомость, отсутствие собственного мнения и самостоятельности поступков классика. Смещение с фантастическим элементом дает возможность с определенной долей иронии и скептицизма подойти к биографии писателя и показать классика с новой, до сих пор невидимой, мистической стороны, буруеваемого первобытным страхом, ужасом перед жизнью в целом.

Отдельно следует сказать о текстах, которые содержат суждения писателей о писателе, ведь это уже в большей степени диалог, а не «переработка» претекста. Разговор «равных» (или приравненных спустя время) позволяет взглянуть классику прямо в глаза, не приукрашивая, открывая истину перед лицом читателя, не боясь разрушить непререкаемость авторитета.

Так, **Сергей Довлатов** в лекции «Блеск и нищета русской литературы» (прочитана в 1982 г.) в пределах одной страницы умещает свое заключение о творческом наследии Тургенева. Он подчеркивает гениальность «Записок охотника», но слабость романов «с идеями», плоскость и натуралистичность описаний природы, схематичность героев, с убийственной иронией отзывается о героинях: «...а знаменитые тургеневские женщины вызывают любые чувства, кроме желания с ними познакомиться» [Довлатов 2012: 96]. Тургенев, по Довлатову, еще «при жизни утратил былую славу», он безнадежно устарел, и его произведения годятся только для «академических целей». Впрочем, рядом с Тургеневым у Довлатова находятся Толстой, Достоевский, Гоголь, которые также «опустились до общественно-политических телодвижений», тем самым уничтожив в себе художника. Писателем, не изменившим себе и своему таланту, Довлатов называет А. С. Пушкина, рядом с ним ставит А. П. Чехова, из современников – И. Бродского [там же: 97].

Глава, посвященная И. С. Тургеневу в книге **Вячеслава Пьецуха** «Рассуждения о писателях» (2008), открывается в свойственной ему шуточно-небрежной манере. «Вот вопрос, в котором, наконец, следует разобраться: представляет ли собою литература нечто неизменное, навеки закрепленное в единстве формы и содержания, или она развивается как знание, как наука?» [Пьецух 2006: 241]. В. Пьецух делит писателей на тех, кто «дает настоящее литературное качество» [там же: 13, 244] (показывает что-то новое, используя при этом свой талант и воображение), и тех, кто «работает в ключе зеркального отражения» [там же: 249] действительности. Тургенева он относит ко второму типу, но наряду с негативными чертами творчества автор видит и положительные (таблица):

Негативные черты	Позитивные черты
1. Избыточные описания природы и портретные зарисовки	1. «...слог его безупречен, именно прост, ясен, красочен и внушительен почти по пушкинскому образцу...» [Пьецух 2006: 244]
2. Рыхлые неорганизованные диалоги служат только для характеристики персонажей	2. Тургенев первый показал, что русская женщина сильнее, умнее и рассудительнее русского «мужика»
3. В произведениях Тургенева всегда легко определить тему и идею, которые будут направлены на «здесь и сейчас», а «великая проза» ориентируется на «всегда»	3. Оригинальность (для автора это положительная характеристика) в том, что романы Тургенева «написаны по-французски, то есть какие-то они положительные, вроде приходно-расходных книг...» [Пьецух 2006: 251]

Все доводы В. Пьецуха подводят читателя к мысли о том, что Тургенев и его произведения устарели, а литература движется вперед как знание, как наука, поэтому уже сейчас произведения классика используются лишь как «анестезирующее средство, старинное и проверенное, вроде валериановых капель», после которых «чувствуешь, что еще, в общем-то, можно жить» [Пьецух 2006: 258]. В будущем же их совсем забудут, если только не произойдет обратного развития литературного процесса.

Сравнение текстов И. С. Тургенева с лекарством встречается и у **Михаила Гиголашвили**, современного писателя грузинского происхождения, проживающего в Германии и пишущего на русском языке, он является автором статьи о классике в уникальном издании «Литературная матрица» (2010).

«Проза Тургенева – бесподобное психосоматическое лекарство, антидепрессант и антистрессант. Действие этой прозы на психику читателя можно сравнить с действием самых лучших препаратов для борьбы с темпом, фобиями и безумностью современной жизни, где все застряло в духовных пробках или, наоборот, несется по туннелям своего подсознания, не понимая разницы между подлинным и ложным, между истинно ценным и фальшивым, подложным, подменным» [Литературная матрица 2011: 171].

Статья М. Гиголашвили выдержана в рамках учебной: дана биография с углублением в личную жизнь писателя, показаны предшественники классика (протопоп Аввакум, Радищев, Пушкин) и последователи (Голстой, Достоевский), а также литературный контекст («кружковщина», «оформление реализма»). В тексте статьи много проекций на социальные явления, имевшие место в советской и постсоветской истории России. Так, «новые люди», выведенные в «Отцах и детях», сравниваются с «новыми русскими» 1990-х гг., народовольцы – с теми, кто спровоцировал террор Сталина, отъезды Тургенева за границу – с диссидентством XX в.

Гиголашвили последовательно представляет читателю сильные черты тургеневской прозы:

1. Мастерское изображение «извивов, ужимок, гримас, лабиринтов, провалов и взлетов любви» [Литературная матрица 2011: 168].

2. Изящное воспроизведение действительности: «Прозрачная проза Тургенева приглашает читателя в свой призрачный куб, где можно, свернувшись клубком на филигранно сотканном ковре текста, словно воочию, как на экране монитора, видеть жизнь людей того времени, рассматривать их лица, слышать голоса, шорох платьев, шелест листвы...» [там же: 168].

3. Великолепие пейзажных зарисовок.

4. Виртуозная ритмика и метрика фраз: «крепко-накрепко пригнаны начальные слова, а окончания фраз – словно чешуйки змеи: одна чешуйка влечет за собой другую, та – третью и т. д.» [там же: 185].

Тургенев – «мастер меры: он тонко и пронизательно ощущает своим внутренним барометром, где следует делать переходы, ... и сложное он показывает просто, а простое не усложняет» [там же: 184].

Таким образом, И. С. Тургенев – «реформатор», «практически создавший ту форму, которая стала характерной и типичной для русского романа» [там же: 167]; человек, с подачи которого «русская литература начала охватывать и захватывать литературное пространство Европы» [там же]. Единственный незначительный минус в текстах классика заключается в накале страстей: Тургенев не горяч, а лишь «тепл», – «но зато есть негасимые слова, гармония звуков, музыка фраз, которые благотворно, даже целебно действуют на читателя» [там же: 183].

Восхищается благотворностью влияния на человека произведений И. С. Тургенева и известный психиатр-карикатурист **Андрей Бильжо**. Свою книгу «Мои классики. Книга для тех, кто учится чему-нибудь. С комментариями и рисунками автора» (2011) создатель знаменитого Петровича посвящает всем детям и «взрослым, понимающим, в чем прикол» [Бильжо 2011: 4]. В ней представлены отрывки произведений классиков (А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова), насыщенные

кариатурами на современность и комментариями к ним. Иллюстрации, посвященные рассказу Тургенева «Муму», дарят не просто смех или улыбку, а очищающий смех сквозь слезы и горькую улыбку правды. Таким образом, А. Бильжо пытается привлечь читателя к тексту и одновременно с этим осовременить классику, показывая свое личное видение Герасима и Муму. Но эту книгу нужно скорее смотреть, чем читать. Нам же в большей степени интересует экспозиция к главе «Мой Тургенев И. С.», в которой Бильжо описывает медицинские данные о весе мозга человека: «Интеллект и способности человека никак не зависят от размера его головы, то есть от величины головного мозга» [Бильжо 2011: 169]. И приводит факты: самый маленький мозг был у Рафаэля Санти, а самый большой – у И. С. Тургенева и весил 2012 граммов. Впервые, это сразу выделяет классика из череды обыкновенных людей с обычным размером головы; а во-вторых, писатель с дефектом развития становится более человечным, лишенным налета музейного поклонения, снятым с олимпа вечности, почти равным читателю. Таким образом, мы снова встречаем амбивалентность, заинтриговывающую и заинтересовывающую.

Отсылки к мифологизированному концепту «Тургенев» в современной русской литературе делают тексты ярче, глубже, познавательнее, будоражат в читателе интерес к давно забытому, «пройденному» в школе, погружают его в сотворчество подобных рецептов образа Тургенева. Так «классика, являясь центральным компонентом культуры, задает общую систему координат, играет роль своеобразного горизонта, к которому устремлены взгляды современных писателей; она оказывается всеобщим коммуникационным кодом в литературе, универсальным языком, внятным для людей разных эпох» [Черняк 2016: 11]. Происходит обогащение современной литературы и включение ее в культурный миф классики, а также актуализация писателя прошлого, его произведений, мотивов, мировоззрения. Межкультурный / межтекстовый / межвековой диалог с классиком заставляет задуматься, засомневаться, а это качество истинно русской литературы: пылливо искать ответы на вопросы, не останавливаясь на однозначном решении.

Список литературы

Бильжо А. Г. Мои классики. Книга для тех, кто учится чему-нибудь. С комментариями и рисунками автора. М.: Corpus, 2011. 424 с.

Богданова О. В. Постмодернизм в контексте русской современной литературы (60–90-е годы

20 века – начало 21 века). СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 716 с.

Богданова О. В. «Пушкин – наше все...» Литература постмодерна и Пушкин. СПб.: Факультет филологии и искусства С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. 239 с.

Галина М. Красные волки, красные гуси. М.: Эксмо, 2010. 448 с.

Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы. Филологическая проза. СПб.: Азбука, 2012. 256 с.

И. С. Тургенев в воспоминаниях современников / сост., вступ. ст. и коммент. к разделу «Воспоминания» В. Г. Фридлянд; сост., пер. писем, вступ. ст. и коммент. к разд. «Переписка» Н. П. Генераловой. М.: Правда, 1988. 560 с.

Катаев В. Б. Игра в осколки: Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма. М.: Изд-во МГУ, 2002. 252 с.

Катаев В. Б. Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники. М.: Языки слав. культуры, 2004. 223 с.

Королев А. Голова Гоголя. М.: Терра. Super Terra, 2009. 160 с.

Курицын В. Великие мифы и скромные деконструкции // Октябрь. 1996. № 3. С. 171–187.

Литературная матрица: Учебник, написанный писателями. XIX век. СПб.: Лимбус-Пресс, 2011. 276 с.

Лотман М. Ю. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб.: Искусство СПб, 1997. 848 с.

Маркова Т. Н. Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин). М.: МГОУ, 2003. 268 с.

Панаева А. Я. Воспоминания. М.: Правда, 1986. 512 с.

Петрушевская Л. Загадочные сказки. Стихи(хи)2. Пограничные сказки про котят. Поэмы. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. 296 с.

Пьецух В. Низкий жанр. М.: Зебра Е, 2006. 752 с.

Тургенев И. С. Письма. URL: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0600.shtml (дата обращения: 16.06.2017).

Фуко М. Что такое автор? URL: <http://lib.ru/COPYRIGHT/fuko.txt> (дата обращения: 15.06.2017).

Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. URL: <http://feb-web.ru/> (дата обращения: 15.06.2017).

Цейтлин А. Г. Мастерство Тургенева-романиста. М.: Сов. писатель, 1958. 434 с.

Черняк М. А. Актуальная словесность XXI века: Приглашение к диалогу: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 232 с.

Чехов А. П. Письма. URL: <http://worksofchekhov.ru/pisma-1893-god.html/22> (дата обращения: 15.06.2017).

References

Bil'zho A. *Moi klassiki. Kniga dlya tekhn, kto uchitsya chemu-nibud'. S kommentariyami i risunkami avtora* [My classics. The book for those who are learning something. With comments and the author's pictures]. Moscow, Corpus Publ., 2011. 424 p. (In Russ.)

Bogdanova O. V. *Postmodernism v kontekste Russkoy sovremennoy literatury (60–90-e gody 20 veka – nachala 21 veka)* [Postmodernism in the Context of Russian Contemporary Literature (60–90s of the 20th century – beginning of the 21st century)]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2004. 716 p. (In Russ.)

Bogdanova O. V. "Pushkin eto nashe vsye..." *Literatura postmoderna i Pushkin* ["Pushkin is our everything..." Postmodern Literature and Pushkin]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Art of St. Petersburg State University Publ., 2009. 239 p. (In Russ.)

Galina M. *Krasnye volki, krasnye gusi* [Red Wolves, Red Geese]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 448 p. (In Russ.)

Dovlatov S. *Blesk i nishheta russkoy literatury. Filologicheskaya proza* [The splendors and miseries of Russian literature. Philological Prose]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2012. 256 p. (In Russ.)

I. S. *Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov* [I. S. Turgenev in the memoirs of contemporaries]. Sost., vstupit. st. ikomm. k razdelu «Vospominaniya» V. G. Fridlyand; sost., per. pisem, vstupit. st. i komm. k razd. «Perepiska» N. P. Generalova. Moscow, Pravda Publ., 1988. (In Russ.)

Kataev V. B. *Igra v oskolki: Sud'by russkoy klassiki v epokhu postmodernizma* [Fragment game: the fate of Russian classics in the era of postmodernism]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2002. 252 p. (In Russ.)

Kataev V. B. *Chekhov plyus...: Predshestvenniki, sovremenniki, preemniki* [Chekhov plus...: predecessors, contemporaries, successors]. Moscow, LRC Publishing House Publ., 2004. 392 p. (In Russ.)

Korolev A. *Golova Gogolya* [Gogol's Head]. Moscow, Terra. Super Terra Publ., 2009. 160 p. (In Russ.)

Kuritsin V. Velikie mify i skromnye dekonstruktsii [Great myths and modest deconstruction]. *Oktyabr'* [October], 1996, issue 3, pp. 171–187. (In Russ.)

Literaturnaya matritsa: Uchebnik, napisannyi pisatelyami. 19 vek. [Literary Matrix: The textbook written by writers. 19th century]. St. Petersburg, Limbus-Press, 2011. 424 p. (In Russ.)

Lotman M. Yu. *O russkoy literature. Stat'i i issledovaniya (1958–1993)* [About Russian Literature. Articles and Research (1958–1993)]. St. Petersburg, Iskustvo SPB Publ., 1997. 848 p. (In Russ.)

Markova T. N. *Sovremennaya proza; konstruktsiya i smysl (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin)* [Modern Prose: construction and meaning (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin)]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2003. 332 p. (In Russ.)

Panaeva A. Ya. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Pravda Publ., 1986. 512 p. (In Russ.)

Petrushevskaya L. *Zagadochnye skazki. Stikhi (khi)2. Pogranichnye skazki pro kotyat. Poemy* [Mysterious fairy tales. Poems 2. Borderline stories about kittens. Poems]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2008. 291 p. (In Russ.)

Pjечuch V. *Nizkiy zhanr* [Low genre]. Moscow, Zebra E Publ., 2006. 749 p. (In Russ.)

Turgenev I. S. *Pis'ma* [Letters]. Available at: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0600.shtml (accessed 15.06.2017). (In Russ.)

Foucault M. *Chto takoe avtor?* [What is an Author?] Available at: <http://lib.ru/COPYRIGHT/fuko.txt> (accessed 16.06.2017). (In Russ.)

Fundamental'naya elektronnyaya biblioteka. Russkaya literatura i fol'klor. [Fundamental digital library. Russian literature and folklore]. Available at: <http://feb-web.ru>. (accessed 15.06.2017). (In Russ.)

Tseitlin A. G. *Masterstvo Turgeneva-romanista.* [Mastery of Turgenev-novelist]. Moscow, Soviet writer Publ., 1958. 434 p. (In Russ.)

Chernyak M. A. *Aktual'naya slovesnost' 21 veka: Priglasenie k dialogu* [Current literature of the 21st century: invitation to dialogue]. Textbook. 3^d edition. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2016. 232 p. (In Russ.)

Chekhov A. P. *Pis'ma* [Letters]. Available at: <http://worksofchekhov.ru/pisma-1893-god.html/22>. (accessed 15.06.2017). (In Russ.)

TURGENEV AND MODERN RUSSIAN LITERATURE

Julia A. Gimranova

Postgraduate Student in the Department of Literature and Methods of Teaching Literature

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

69, Lenina prospekt, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. J5G@mail.ru

SPIN-code: 5288-1922

ORCID <http://orcid.org/0000-0002-8764-5439>

ResearcherID: K-3033-2017

The article reveals the connections of contemporary Russian literature (the late 20th – early 21st century) and the mythologized concept “Turgenev”, which carries a semantic load of creativity and biography of the classic, raises questions of the influence of the classic’s image and his works on work of postmodern writers. An attempt has been made to study the manifestation forms and the meaningfulness of this myth in the texts analyzed. Works non-uniform in genre, style, degree of artistry, ethical and aesthetic views of contemporary authors are considered: works by A. Korolyov, L. Petrushevskaya, M. Galina, S. Dovlatov, V. Pietsukha, M. Gigolashvili, A. Bilzho. Interest in the “Turgenev” myth lies, on the one hand, in the generally recognized authority of I. S. Turgenev in the history of Russian literature, his indisputable greatness (which is seen by modern authors as undeserved), on the other – in the contradictory personality of the classic, and also in the non-standard life of the writer “on the edge of another’s nest”. Korolyov, Petrushevskaya and Galina, who introduce Turgenev as a character in their work, see powerlessness, fear of life and the lack of will in the classic. However, this accentuation of Ivan Turgenev’s inability for a normal, from their point of view, existence, for freedom of choice opens up deeper layers of the text: Korolyov comes to the philosophical theme of choosing between good or evil; through the image of the writer in the bank Petrushevskaya shows her vision of the place of the classic today, and Galina in the style of horror presents Turgenev as a mystically gifted person, who is on the verge of madness caused by emotional tension. Views of Dovlatov, Gigolashvili and Pietsukha allow one to “reduce the bar” and to discern the legacy of the classic without unnecessary piety, detailing all the pros and cons. The text by Bilzho allows one to turn to canonical for understanding the modern without tension, with humor.

Key words: classics; modernity; myth; concept; pretext; skill; actualization.